

ЗАХВАТ ПРЕДПРИЯТИЯ

Борис Ихлов

I. Аргентина

В 2001 году США устроили Аргентине дефолт за нежелание создавать долларовую зону ALKA, когда правительство Дел ла Руа наложило арест на счета банковских вкладчиков, и так называемые ассамблеи, многотысячные собрания трудящихся, смели пятерых президентов подряд.

В этот период рабочее и левое движение страны столкнулось с обескровливанием рабочего класса.

Военный авиационный завод “Area material Cordova” куплен компанией США «Локхид Мартин» и закрыт. Североамериканцами же куплен ряд железорудных шахт и закрыт, несколько тысяч рабочих уволено. Закрыт металлургический завод “Somisa” в Сан-Николасе, несколько тысяч рабочих уволено. То же самое происходит с нефтяными скважинами, угольными шахтами, железнодорожными депо, химическими заводами и пр. Если до «реформ» на железной дороге работало 120 тыс. рабочих, то осталось лишь 16 тыс. На единственном в стране железнодорожном заводе уволено 120 из 300 рабочих. Повсюду шпалы и рельсы в плачевном состоянии, недалек час, когда поезда встанут. Закрытие ожидало предприятия, разрабатывающие цинк, медь, бериллий, марганец. Обоснование не отличалось новизной: «нерентабельность». Дел ла Руа умудрился отдать в руки иностранных фирм даже традиционное местное производство – мясохладобойни, то, с чего начиналась промышленность страны. И они закрывались!

В виду такого положения одной из ассамблей я рассказал, что в таких случаях делают рабочие в России. Скажем, в 1999 г. ликеро-водочный король Ленинградской области Сабадаж незаконно приобрел ВЦБК в поселке Советском и решил уволить 1500 рабочих из 2500. Рабочие захватили завод, отстояли его от натиска спецподразделения «Тайфун» (в рабочих стреляли) и даже не дали военному вертолету сесть на территории завода, сами наладили производство. Аналогичная картина наблюдалась в г. Щучье курганской области (хлебокомбинат), в Ачинске (ГОК), еще в ряде городов. В Ясногорске рабочие вообще захватили город.

В результате, когда мы уезжали в начале февраля, рабочие успели захватить угольную шахту, металлургический завод, текстильную фабрику в Буэнос-Айресе, а также керамическую фабрику в Неукене, самостоятельно наладили выпуск и сбыт продукции.

Такое явление продолжалось удивительно долго. Когда мы приехали в Аргентину в 2003-м, рабочие захватили уже 300 предприятий. Мы посетили два из них – типографию и больницу.

Зрелище было плачевное. Мы перемещались по пустым залам и палатам больницы, в конце беседы главврач – традиционно! – предложил нам скинуться в помощь мед. персоналу.

В типографии была встреча с трудовым коллективом, на которую собрались человек 10 рабочих. Типография простаивала.

Насколько мне известно, уже к 2007 году подавляющее большинство захваченных предприятий снова оказались в руках буржуа, в том числе иностранных, часть была окончательно закрыта. К власти пришел ставленник хустисиалистской партии (партии справедливости), против которой и воевали ассамблеи.

Такой быстрый и обширный захват предприятий мог бы показаться уникальным. В период правления хунты вряд ли можно было найти профсоюзного активиста, по лицу которого не проходились сапоги полицейских. Профсоюзных активистов отлавливали, сажали в «Боинг», кололи им наркотик и выбрасывали в океан. По сей день студенты на профсоюзные собрания ходят с дубинками.

Однако не россияне и не аргентинцы оказались пионерами. Один из первых захватов завода состоялся в 1968 году во Франции. Рабочие захватили авиазавод «Сюд авиасьон», сами наладили производство, администрацию же заперли в кабинетах и по громкой связи заставили учить «Интернационал». Далее были захваты заводов в Польше.

Беда вот в чем. Самое удивительное, что захват предприятий был с восторгом подхвачен аргентинскими троцкистскими организациями. Которые всю свою историю объясняют, что победа социализма в отдельно взятой стране невозможна, а возможна лишь в ходе мировой революции. Ленин называл теорию революции в отдельно взятой стране мелкобуржуазным идеалом. Троцкий объяснял необходимость именно мировой революции международным разделением труда, для России же

ситуация усугублялась ее отсталостью (отсюда и теория «слабого звена» с надеждой на пролетариат развитых стран). Но если социалистическая революция невозможна в отдельно взятой стране, почему она вдруг стала возможной в отдельно взятом предприятии??

До сих пор витает стремление отхватить собственный хуторок и устроить там коммунизм. Чтобы из разогретой пластмассы в 3D-принтере строить города и создавать нейроны мозга.

Однажды ехал в поезде вместе с Элей Никишиной и Светланой Байбородовой, в одном купе. «Вот, - сказала Никишина, - у нас здесь маленькое коммунистическое общество, коммунистические отношения.» Спорить я не стал. Но представьте – это говорил человек, считающий себя марксистом!

Значит ли это, что все эти захваты предприятий, коммунаское движение 60-х (куда вашего покорного слугу в 5-летнем возрасте затащили как исполнителя стихов с табуретки, развешивателя воздушных шариков на деревьях на 1 мая и 7 ноября и разносчика поздравлений ветеранам) – какое-то отклонение от «мейнстрима» рабочего движения?

Вовсе нет.

Никто, разумеется, не отменял необходимости самоуправления, о котором писали Маркс и Ленин.

Тут вот что. Как известно, Рабочая оппозиция (Шляпников, Коллонтай, Мясников и др.) требовала, чтобы власть была передана трудовым коллективам, напр., в лице профсоюзов или фабзавкомов, которые объединены в Советы.

Это не выборы по производственному принципу, когда за представителя завода голосует еще кто-то. Здесь представитель от трудового коллектива – уже депутат.

Ленин заклеил данное требование как анархо-синдикалистский уклон. И правильно сделал. Он обратил внимание Рабочей оппозиции на то, что рабочий класс обескровлен войной, ослаблен, а само требование относится (по Энгельсу, на которого ссылалась оппозиция) не к социализму, а к коммунизму.

(Кстати, потом-то Ильич написал довольно много по рабочему самоуправлению.)

Однако обратим внимание на два момента.

1) Есть ли Советская власть на предприятии? – задает вопрос Мясников. И мы видели в СССР удивительную картину: синтез из ничего, из пустоты. В центре – Советская власть, на заводах – ее полное отсутствие. Отсюда и 1991 год.

Следовательно, захват предприятий – это необходимая часть «мейнстима» рабочего движения. Объявлять ее бесполезной, обреченной на поражение – значит исходить из механистического понимания истории как реализации планов неких партийных программистов, которые знают, что и когда нужно, а что не нужно. Всё равно, что подойти к Кромвелю, хлопнуть его по плечу: «Зря стараешься, парень, всё равно королевскую власть реставрируют. Рановато, старина, рановато...»

Но и это не означает, что в истории нет закономерностей. Есть. И их стоит соотносить. В первую очередь – их не механический характер.

2) Ленин указывает – бог мой, отчего этого не делают постоянно троцкисты со сталинистами и анархистами?! – на состояние рабочего класса. (Конечно, сталинисты зря ставят Троцкого во главу Рабочей оппозиции, он-то как раз придерживался ленинской точки зрения, характеризуя рабочий класс той поры как хаотическую массу.)

Пермский профессор Суслов, скорбно глядя, как мы торчим у проходных заводов с листовками, постоянно нас терзал просьбой провести социологический опрос: хотят ли рабочие взять власть? Наконец – допек. На 4 крупных (свыше 10 тыс. чел. в то время) пермских заводах мы поспрошали работяг. Единый ответ: «Нет! Не хотим ответственности. Хотим отработать, получить свое и домой».

Ситуация еще хуже. Рабочим з-да им Ленина (это было еще не разрушенное предприятие, 27 тыс. основного производства, высокие зарплаты, ВПК всё-таки, достоинство и т.п.) мы предложили по цехам создавать реальные, самостоятельные профсоюзы. Показали расчеты, насколько это будет выгодно (скажем, в колдоговоре администрация завода записывала остаток на начало года – с обратным знаком, бешеные деньги). Типичный ответ: «Понимаете, у нас в цеху 60% спившихся, 20% куплено. Остальные 20% смотрят на это и уже ничего не хотят».

Кроме субъективных есть и объективные, важнейшие причины. Мы говорили с рабочими пермской «Промсвязи» не предмет создания самостоятельных профсоюзов, рабочих комитетов и пр. Они отвечали: «Да понимаем мы всё, что нужны и рабочие комитеты, и профсоюз... Но вот придешь на смену, а там станки 1913 года выпуска. И уже ничего не хочется, только бы выйти за проходные.»

Зато когда им случилось быть в Финляндии, их от нового оборудования нельзя было оторвать. Их менеджеры оттаскивали: «Что вы делаете, вы нам все планы сорвете!»

Но и это далеко не всё.

II. Россия

Коммунарское движение конца 50-х - 60-х закуклилось, к 80-м превратилось в посиделки, в клубы по интересам и выродилось.

Левые не придумали ничего лучше, как объявить социализм в отдельно взятом колхозе Чартаева. Колхозе! Дескать, бабушка уличила самого Чартаева и оштрафовала – ну, полный социализм! А тому приятно...

На конференции в Москве я задал Чартаеву один вопрос: как часто его меняют на должности председателя. Он честно ответил, что в этом не было необходимости.

То есть, один из принципов Советской власти, обязательная смена руководства сверху донизу, начисто был отвергнут.

Потом – неожиданно! - выяснилось, что вокруг-то, в России-то, социализма нет. Что на самом деле расчудесная жизнь в колхозе было обеспечена кооперативами криминального характера, которые облепили колхоз со всех сторон. Конечно, Чартаев оставил по себе добрую память. Но как только он скончался, оказалось, что заменить его просто некому. И от социализма в отдельно взятом колхозе остались рожки да ножки.

Хорошо, ну, а рабочие? Которые захватили завод?

Неизвестно, каким именно образом рабочим «Сюд Авиасьон» удалось самим наладить производство, ну, разумеется, не без помощи спецов. Правда, продержались недолго.

Тут другое интересно. Максимовская в «Неделе» от 24 мая была просто ошарашена заявлением Бородая о национализации шахт Ахметова. «А кто ж рабочим платить-то будет??» - искренне недоумевала Максимовская. Да это-то как раз самое легкое! Максимовская просто не могла себе представить, что прибыль производит не Ахметов, а рабочие.

Конечно, сам факт мужества – бесценен. На ВЦБК тайфуновцы стреляли в рабочих. Женщину из профкома, которая кинулась их защищать, избил, переломали ей дубинками ребра, облили водой из шланга и поставили в разбитое ими окно «сушиться», был октябрь-месяц. 15 рабочих пострадало, в Щучьем – 35. Тайфуновцев погнали, они бежали с завода, прикрывая голову руками. Сабадажа чуть не убили, его от насевшей толпы работяги выдернули из проема в ограде завода с другой стороны.

Рабочие избрали собственного директора, Ванторина. И что?

Я задал работягам всё тот же скучный вопрос: помогает ли кто из рабочих Ванторину, участвуют ли рабочие в управлении предприятием? На что получил ответ: рабочим незачем влезать в управление, это дело директора.

А дальше за Ванториным устроили охоту, он вынужден был скрываться. Оказалось, что избрать больше некого.

Предприятие не существует само по себе, есть общественное разделение труда. На ряде встреч с РКРП, которые опекали ВЦБК, я плешь проел «коммунистам», что нужно связаться с поставщиками и потребителями, с трудовыми коллективами, с транспортниками. Ну, не было у нас такого числа людей в объединении, чтобы самим всё сделать. И что коммунисты? Как об стенку горох. В результате вагон с мукой, который хлебокомбинат Щучьего послал в помощь, где-то затерялся. Счета обрубали, покупателей запугали, поставщиков подкупили... Кончилось тем, что руководитель восстания предал и сдал завод Сабадажу. Аналогичная история случилась на других захваченных заводах.

То есть. Даже если начальство хоть сто раз выборное, это означает всего лишь буржуазную республику в отдельно взятом заводе.

То есть. Простой переход завода в руки трудового коллектива – юридическая формальность, ничего не дает. О передаче заводов трудовым коллективам пеклись даже пермские социал-демократы, и даже пермский Дем. Союз! Мне им объяснять пришлось, что по тогдашнему закону рабочие могли получить лишь нерентабельные предприятия. Объединение «Рабочий» вывернулось и, состряпав устав завода и положение об СТК, подбило-таки трудовой коллектив Верхнесалдинского оборонного предприятия взять в руки завод. Через пару лет внешние силы, в т.ч. уголовные, буквально порвали СТК – при полном равнодушии трудового коллектива.

Ибо: отработал и забыл. Ибо: социализм не может победить в отдельно взятом заводе.

Хорошо, но если ситуация (увольнение, закрытие) вынуждает к захвату?

Так-то оно так, да не так. Согласны ли марксисты с тем, что революция наступает тогда, когда растущим производительным силам начинают мешать отжившие производственные отношения? Понимаете, растущим. А не чтобы сохранить существующее положение, т.е. просто по-прежнему работающий завод с ТЕМИ же производительными силами.

Такие производительные силы не в состоянии заменить директора. Они не в состоянии выполнить основной принцип Советской власти – контроль за директором. Потому что у них отсутствует высшее образование. Тогда директор обязательно либо предаст, либо сам надует.

Конечно, можно устроить посиделки по интересам и начать самостоятельно получать образование. Скажем – вечерники или заочники. Но кто-нибудь из тех, кто получил дневное образование, пробовал после смены изучать науки? Ваш покорный слуга пробовал, когда нужно было освоить кое-что из физики твердого тела, когда руководил студентами в колхозе, после 10-12 часов на поле. Неукротимый сон! Даже трети работы не сделал.

Конечно, все дипломы одинаковы, но ничто не заменит дневного высшего образования.

А для того, чтобы было всеобщее высшее, оно должно быть востребовано на производстве. Т.к. рабочего с высшим образованием должно востребовать развитие капитализма. Востребовать на уровне всеобщего, а не в отдельной деревне.

Еще веселее выглядит проект ликвидации начальства вообще. Увы и ах. Дело в том, что завод – это казарма. И без единоначалия там не обойтись, как на корабле. Потому что завод – производит абстрактную гайку. На заводе властвует абстрактный труд рабочего.

Ладно, заводы в Аргентине – по 500 рабочих. А «Ситроен» в 6 тысячами, а «Рено» с 60 тысячами? Как там насчет самоуправления рабочих, вертящихся вокруг конвейера?

Никакое самоуправление, никакой социализм-коммунизм на заводе невозможен, пока не будет движение к избавлению от доминирования абстрактного в труде рабочего. Движение к коммунизму – это движение к исчезновению классов, к ликвидации старого общественного разделения труда, которое генерирует деление на классы. Если марксисты с этим согласны, то они должны согласиться, что насаждение заводов коммуной «Майское утро» или индустриализация 30-х – это вовсе не движение к коммунизму, а насаждение точно такого же абстрактного труда.

Чтобы было движение к социализму, вовсе недостаточно тяги к знаниям. Тяга к знаниям не образуется сама собой, **на уровне всеобщего** она не привносится образованными энтузиастами. Она вытекает из самой материи, из развития производства. **Она возникает тогда, когда рабочий – опять же на уровне всеобщего - осознает, что угнетает его не только малая зарплата. Но сам труд, который делает из человека обезьяну.** Т.к. в процессе производства гайки, где доминирует абстрактный труд, в голове рабочего в процессе распремечивания возникает та же гайка.

В этом смысле забастовки против конвейерной системы в США в 60-е – гораздо более социалистические, чем создание коммун.

Маркс ошибся в 3-м томе капитала, когда утверждал, что самое приятное в коммунизме – свободное время. Больше, очень большое. Дескать, время общественно необходимого труда сократится до исчезающе малой величины, а там – дискотека, винтсерфинг и грибы с коллекционированием марок. Скажем, физики-теоретики, с их-то интересным, творческим общественно необходимым трудом

да за такие слова и убить бы могли. Нет! **Сам процесс общественно необходимого труда должен быть для рабочего кардинально преобразован.** Если бы Маркс внимательно читал свою «Критику Готской программы», он бы так не написал, т.к. в «Критике» черным по белому: ликвидация противоречия между физическим и умственным трудом.

Именно оно генерирует подчиненное положение рабочего при капитализме. А после смены никакие гегели с кондратьевыми в голову рабочего не полезут, а если он их насильственно туда запишет, так они ему в процессе производства гайки не понадобятся и самопроизвольно испарятся.

И если рабочий класс всё же встанет у руля, то в силу доминирования абстрактного труда он сам, из своей среды, выделит новую буржуазию, которой – по нежеланию ответственности – передоверит, как было в СССР, производство.

И никакими коммунаскими ухищрениями, никакими банками времени с мытьем полов и образованием в процессе распределечивания в голове у банкующего половой тряпки, никакой партийной агитацией и пропагандой не подменить необходимость развития капитализма до такого уровня, когда рабочий почувствует невыносимость для него-то, с высшим-то образованием, угнетение не зарплатой, а трудом.

Вот тогда-то то и наступит экспроприация экспроприаторов, а вовсе не эволюционным путем, как о том твердят всякие иноземцы с бугалинами и булавками.

25.5.2014

Итак, самоуправление на предприятиях вводили в разных странах: Испания (Мондрагона), Югославия, Италия (Советы на заводах), Канада (коммуны), Франция («Сюд Авиасьон»), Россия (ВЦБК, Щучье, Ачинск, Ясногорск и др.), Польша (захват предприятий). Последнее – особо наивно, с их-то низкой производительностью труда. Все эти попытки потерпели поражение, начиная с коммун Роберта Оуэна в Англии и Америке. А ведь поначалу, пока Оуэн не начал свои проповеди, буржуазия с восторгом принимала его эксперимент!

Мы беседует с питерским представителем Южного бюро «Марксистской рабочей партии, состоящей из пяти человек, Вячеславом Волковым, поборником коммун. Дескать, можно идти к социализму путем их образования, не обращая внимания на гигантов империализма вокруг себя. Дескать, главное, чтобы люди в своем хуторке хорошо относились друг к другу.

В.В. - Непонятно по поводу труда. По Марксу любой труд при капитализме одновременно есть и абстрактный труд, и конкретный. А Вы их разводите в разные стороны. Или как-то по-другому?

Б.И. - Маркс вовсе не говорил об одновременности наличия в труде и абстрактного, и конкретного. В том-то все и дело, что он развел их по времени. Труд конкретный - у станка, а вот абстрактность его – после отчуждения продукта труда, в сфере обмена.

Во-вторых, любой труд, действительно, **ОДНОВРЕМЕННО** и абстрактный, и конкретный. Но Марксу и в голову не приходило ставить между ними знак равенства. Как говорил Мак Твен: "Я понимаю, что умственный труд схож с физическим, т.к. тоже вызывает пот. Но я ни за какие блага в мире не соглашусь махать кайлом хотя бы месяц."

Так что никакого разведения в разные стороны у меня нет.

Адам Смит писал, что рабочий в силу своего тяжелого труда не способен даже на патриотизм. Маркс специально его повторяет в «Рукописях», говоря о монотонном, оупляющем, **обезличивающем** труде рабочего.

В труде рабочего доминирует труд абстрактный, в труде физика – труд конкретный. Причем вовсе не по времени. Напр., подавляющее большинство времени физик проводит за абстрактным (Бугалин выпендрился и решил ввести словечко "репродуктивный", ну, чтобы остаться в истории) трудом. Но определяющим в его труде является труд конкретный.

Мы имеем: **характер** труда - наемный.

Содержание труда - абстрактный, конкретный.

Если мы ликвидируем наемный характер труда (ликвидируем капитализм, т.к. кап-м есть такой способ пр-ва, когда раб. сила становится товаром, продается), но оставим доминирование абстрактного труда (т.е. наличие рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, управленцев, словом, классовой структуры), то рабочий класс сам воспроизведет заново и наемный характер труда, и буржуазию. Что и случилось в СССР.

В-третьих, невозможно развести то, что уже разведено. Есть диалектическое противоречие между абстрактным и конкретным в труде, они переходят друг в друга. До Эйлера решение кубических уравнений было искусством, а Эйлер свел его к формулам (Кардано). И т.д. Аналитическое решение дифференциальных уравнений тоже выполняет машина, а ведь еще вчера интегрирование было искусством. И наоборот: конвейерное производство автомобилей заменяется искусством – созданием авто под хозяина, и т.п.

В.В. – но ведь завод в собственности трудового коллектива – не редкость. А Чартаев отменил наемный труд.

Б. И. Это безграмотная чепуха. Никакой отмены наемного труда у Чартаева не было в помине. Каждый рабочий день в его колхозе каждый колхозник, не имея средств производства, продавал свою рабочую силу за деньги.

Опыт Югославии, когда заводы были в собственности трудовых коллективов, хорошо известен. Разумеется, с массой негатива: на одном заводе как-то не выплатили зарплату, так рабочие выбросили директора с 4-го этажа. Кого интересует - почитайте книжку Танко, довольно любопытная. Другое дело, что такая вольготная ситуация могла существовать исключительно с поддержкой государства. Если кто помнит, что Ленин в статье «О кооперации» прямо пишет, что мелкое и среднее производство имеет право на жизнь – когда эта жизнь контролируется государством.

Суть в том, что при ЛЮБЫХ отношениях внутри завода оплата производится не по живому, а по овеществленному труду. Т.е. по условиям рынка, как продадут товар. Рано или поздно эти внешние условия определяют и отношения внутри завода, и никакие КТУ или "принципы" бригадного подряда Серикова (нет более "архангельского мужика", на которого вся область работала) не помогут.

Чартаев сообщает беспредельную вещь, что он отменил наемный труд путем присвоения продукта труда самим работником. Это что, весь колхоз состоял из Робинзонов Крузо? Ладно, пусть – они бы обменивались друг с дружкой продуктами своего труда. Т.е. это был натуральный обмен, т.е. архаичная форма производства. А если нужно купить то, что в колхозе не производится? Компьютер, стиральную машину, велосипед, авто. Тогда нужно продать излишек на рынке. А рынок устанавливает цены по своим законам, а не законам Чартаева. Больше того, как отмечал еще Рикардо – монополия устанавливает цену на компьютер или авто по максимуму покупательской способности, до дыр в карманах, наплевав на игру спроса-предложения. И на «законы» Чартаева.

Кроме того, колхозную продукцию можно продать только неэквивалентно, сельское хозяйство в мире сплошь дотационно. Город, как более организованный и богатый, душит село, он получает, как и положено при капитализме, по капиталу, потому обмен неэквивалентный. Потому во всех развитых странах село на гигантской дотации, она в сотни и тысячи раз превышает дотации на 1 га и на 1 рабочую силу в СССР, тем более дотации селу Шукты.

Сказать можно что угодно, а реальность – далека от содержания термина. Никакой отмены наемного труда у Чартаева не было, там даже вопрос о средствах производства не вставал.

Попытка воспроизвести чартаевский опыт в Белгородской области <https://www.youtube.com/watch?v=6cMz7e13nlo#t=24> опять же была свернута до размера, безопасного для внешней среды.

Есть отдельная тема «собственников-совладельцев», с порочным тезисом «все поделить». Речь идет опять же о присвоении, а не и производстве, не о собственности на средства производства. В первую очередь – на недра. Тут авторы не понимают, что собственность – это не «моё», а отношение между людьми по поводу вещей. Потому жителю Москвы бесполезно становиться собственником уникального чаройта – он никогда его не видел, не знает, как разрабатывает. Потому он будет вытеснен из производственных отношений и останется без своих «законных сертификатов». Напр., на многих заводах трудовые коллективы стали собственниками, получили пакет акций 50% +1 акция. Однако к управлению производством они отношения не имели, потому управленцы скупили у них акции, да еще за бесценок, сначала заморозив, а потом попросту не выдав зарплату.

Макс хорошо увидел эту сторону тезиса уравнилельных коммунистов «всё поделить», которых он раскритиковал в «Новой рейнской газете» и в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

В конце 80-х - начале 90-х наше объединение "Рабочий" образовало массу рабочих кооперативов, фирм с коллективной формой собственности, малых предприятий с коллективной собственностью и пр. Мы все прекрасно понимали, чем кончится - марксисты всё же. Но мы не ожидали, что так быстро! Причем первыми предавать, обкрадывать своих товарищей начали именно рабочие. И это не просто рабочие, наши товарищи. Это соратники по борьбе, которые рискнули, которые выступили не только против системы, но, что страшнее - против собственного начальства.

В Перми мы создали кооператив, общество потребителей и фирму с коллективной формой собственности. Я был одним из учредителей фирмы (строительство) и участником общества (товары широкого потребления) и кооператива (проектирование, производство и установка вентиляционных систем). Все сгинули примерно одновременно, с одной стороны, душили власти, криминал, конкуренты, с другой - рабочие предавали от души!

То же самое случилось в Свердловске, Челябинске, Магнитогорске, Волгограде, Казани, Верещагино и др.

Суть в том, что те рабочие, которые существуют в мире – в большинстве – они пронизаны буржуазными отношениями, оно полностью удовлетворяется буржуазной системой, в подавляющем большинстве забастовок в мире требование одно – повыгоднее **продать** свою рабочую силу.

Как известно, именно абстрактный труд рабочего создает стоимость.

Продукт труда сбрасывает с себя товарную форму тогда и только тогда, когда в труде рабочего перестает доминировать абстрактный труд. Т.е. когда рабочий класс исчезнет.

Маркс полагал, что для ликвидации абстрактного труда, который и создает стоимость, достаточно ликвидировать рынок ("Критика Готской программы"). Изначально большевики этим путем и пошли (кавалерийская атака на капитал). Однако выяснилось - не получается. Без торговли. Без товарно-денежных отношений замирает и производство. Тогда Ленин, поняв ошибку Маркса, ввел НЭП. Потом оказалось еще хуже, когда XII съезд РКПб записал, что диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии. Ленин же утверждал, что диктатура пролетариата выражается в форме Советов, формы, найденной самими рабочими. Тем самым, когда рабочий класс был оттеснен от власти, товаром оказалась и рабочая сила.

Сталин, наоборот, в 1952 году ошибку Маркса переписал в «Экономических проблемах социализма от и до».

Суть ошибки в том, что абстрактность - не только в сфере обмена. Абстрактность в сфере обмена генерируется абстрактностью труда в сфере производства. (см. мою книжку "Почему КПСС и КПРФ - буржуазные антикоммунистические партии" на сайте litsovet.ru , главка "Абстрактное и конкретное в труде")

Пока в труде рабочего доминирует труд абстрактный, говорить об отмене капитализма, отмене наемного труда и т.п. - значит обманывать трудящихся.

Я понимаю, что КПСС оставила настолько сильное впечатление в головах пролетариев всего мира, что они повторяют все ее ошибки, кроме того, они еще возвели в абсолют значение партийного функционера – организатора всего. Потому везде - одно и то же - организация труда. Так исхитриться, такую волшебную организацию труда учредить, что сразу и социализм, сразу и коммунизм.

Не в организации дело! А в старом общественном разделении труда, которое генерирует классовую структуру. Это разделение базируется на доминировании в труде рабочего труда абстрактного. Потому как ни организуй - всё равно получишь капитализм.

В.В. – Чем не устраивает шведская модель социализма? Там высокие доходы, социальная защищенность.

Б. И. - Поразительно, но современные... не знаю, как назвать. Болтологи, политологи и т.п., втемняивают всем в головы, что "в Швеции не капитализм, а что? Что? Социализм там..."

Был такой генсек испанской компартии, Каррильо. Где у него сидел коммунизм - неведомо, Каррильо на полном серьезе считал, что коммунизм - это когда у каждого оливье по четыре тазика, персики в рот падают, черная икра столовыми ложками, нажраться от пуза... Цитирую испанца точно: "Коммунизм - это когда у каждого по три жены и две машины."

Есть такой шведский анархи-синдикалистский профсоюз - SAC. Между прочим, руководство - проамериканское, в Амстердаме они шли вместе с троцкистами против образования зоны евро (низзя конкурировать с долларом!). А всех уверяют, что в политику не лезут.

Так вот, когда они, как миссионеры, брйбыли в Россию, и им местные неформалы рассказали, что у них в Швеции социализм (тогда это формулировали мягче: в Швеции социализма больше), они, проамериканские, долго держали рот открытым.

На одной из конференций (в Салтыковке под Москвой), организованной SAC совместно с ФНПР, после речи ФНПР-овца, посвященного социальному партнерству и повествования, как правильно должен вести себя рабочий на приеме у работодателя, представитель SAC заметила, что ФНПР полагает, что рабочие должны вести себя как проститутки. ИмPLICITно представитель записала в проститутки и всю ФНПР, что есть истина.

Вообще-то социализм по определению Маркса = диктатура пролетариата = отмирающее государство. Т.е. это отмирание труда рабочего, где доминирует труд абстрактный. Пока что шведам нравится, как труд делает из человека обезьяну.

Скажем, в США в 60-е были мощные забастовки против конвейерной системы. В Куйбышеве в 70-е тоже были забастовки против конвейерной системы! Но янки, тогда еще неглупые люди, ушли от обезличивающего труда на конвейере, они вытребовали создание неконвейерных систем (кстати, с большей производительностью труда, ибо самый производительный труд - свободный, по пути еще раз доказали, что классовая борьба – двигатель прогресса). А наши социалистические рабочие вытребовали доплату за то, чтобы труд делал из них обезьян!

Вот и видим, что шведы счастливы, а шведские мужики бегают за славянками. Однако заканчивается шведское счастье, вообще скандинавское, Россия еще немного послужит образом тоталитарного врага, а затем скандинавами поживятся либо США, либо ЕС, либо Китай. СССР-то больше нету.

Напомню, что западное счастье закончилось почти сразу после распада СССР. Нужды выпендриваться не стало. В США убрали вэлфер, снизили МРОТ. Подскочила безработица. В Британии закрыли шахты, урезали образовательные программы, убрали бесплатную медицину. Во Франции урезали расходы на бесплатные школы (проигнорировали и грандиозную 600-тысячную демонстрацию была в Париже в 1993-м), свернули соц. программы, Ширак попытался увеличить пенсионный ценз, но грянула общая забастовка, в общем, это удалось лишь Саркози.

Международные авиаперевозчики принялись быстренько синдицироваться, в конце концов, уровень обслуживания упал до советского.

Самая счастливая в мире - социалистическая Япония, испытала шок, когда образовалась 5% безработица, в Японии, с ее институтом пожизненного найма... .. и обезличивающим трудом ВЕЗДЕ, не слаще конвейера...

Ну, например. В 80-е годы на производство БИСов, больших интегральных схем, в фирмы Мицуи, Мицубиси брали исключительно женщин, причем далеко не всех, а только с определенным составом пота из пальцев и т.п., выбривали им волосы... Через три года женщина становилась инвалидом, зато обеспечивала и себя до старости, и своих родственников...

Последствия распада СССР коснулись США непосредственно, когда труд напрямую столкнулся с капиталом нос к носу, всего пару лет назад. Так что скоро докатится и до скандинавов. Глобализация'с.

Во всяком случае, ясно одно: одиночные забастовки и одиночные захваты предприятий исчерпали себя. Они вызывают протест тех, кто не бастует, они терпят поражение, потому что изолированы от смежников.